

Глава 1
БЕЛЬСКИЙ

Усадьба горела. Оранжевые языки пламени жадно лизали каменные стены некогда красивого и величественного, а сейчас полуразрушенного дворца. На внутреннем дворе, по которому были раскиданы окровавленные мёртвые тела защитников и нападавших, друг против друга стояли двое мужчин: один — светловолосый, в черной от гари одежде и со шпагой в руке, по клинку которой проскальзывали белые искры, второй — брюнет с холодным, надменным лицом, одетый с иголочки и вооруженный точно такой же шпагой. Объединяло этих людей лишь одно — ненависть, горевшая в их глазах.

— Я тебе обещал, что уничтожу твой род, Бельский? — торжествующе улыбаясь, произнёс брюнет. — И я это сделаю. Ты остался один. Все твои родственники мертвы. Ах, да, остались сын и твоя жена. Но это временно...

— Слишком много у тебя пафоса, Ваня, как и у всех Годуновых! — ответил Бельский. — И тебе, сволочь, не дотянуться до моей жены и сына! Лучше сражайся! Избавлюсь от тебя — избавлюсь от всех проблем. Надеюсь, у тебя

хватит чести сражаться без твоих обычных подлостей? Ты ещё помнишь правила дуэли или уже забыл? Не удивлюсь, ибо подлости и коварства тебе не занимать!

Клинки столкнулись, выбив целый сноп белых искр. Спустя пару минут стало ясно, что брюнет заметно переоценил свои возможности. То, что его соперник был сильнее, мог увидеть даже человек, не разбирающийся в фехтовании. Но пока отчаянная защита Годунова спасала его, и он получил всего несколько царапин. Однако Бельский начал наращивать темп: видно, ему уже надоело возиться со своим врагом.

Судя по испуганному выражению лица противника, тот явно не рассчитывал на подобное сопротивление и понимал, что шансов нет, но сопротивлялся отчаянно, из последних сил. Но когда он чудом уклонился от очередного выпада, чуть не лишившего его жизни, выражение обречённости на лице Годунова сменилось неподдельной радостью. Это не укрылось от теснившего его Бельского, но было уже поздно — за ним возникла фигура в длинном плаще с капюшоном. Она вскинула руки, и в спину Бельского врезался огненный шар. В следующий миг огонь жадно охватил свою жертву, которая со стоном рухнула на землю.

— Вот так, Сергей! — брюнет бросил презрительный взгляд на лежавший перед ним обгорелый труп старого врага и в сердцах пнул его. — Теперь остались только твоя жена да ублюдок-сын. Но мы быстро их найдем, и слав-

ный древний род Бельских останется только в исторических хрониках Империи... Как-то даже странно... — обратился он к приблизившейся к нему фигуре, которая поставила точку в дуэли. — Наконец-то он мёртв, а я испытываю лишь разочарование...

— Не удивительно, — послышался ответ. На Годунова, отбросив капюшон, преданно смотрела красивая молодая рыжеволосая женщина лет двадцати. — Так бывает всегда, — добавила она. — Уходят враги, и теряется смысл жизни...

— Наверное, ты права, — кивнул Годунов. — Найди мать с ублюдкой и сотри, наконец, этот род в порошок. Таким образом, твой долг будет погашен. Справишься?

— Справлюсь, господин.

Женщина набросила капюшон и скрылась в темноте. Брюнет же убрал оружие и достал из кармана небольшой прямоугольный пульт. Через несколько минут перед ним в метре от земли завис небольшой флайер. Брюнет запрыгнул в него и взялся за штурвал. Сделав несколько кругов над усадьбой, словно любясь горящими развалинами, Годунов скрылся в начинающем светлеть небе.

Пять лет спустя

— Так, так... — Невысокий мужчина лет сорока в строгом костюме с аккуратной, коротко подстриженной бородой и невозмутимым лицом опытного офисного клерка смотрел на меня каким-то оценивающе-презрительным взглядом,

словно спрашивал: «Что ты сюда припёрся, болезный? Ты на себя хоть в зеркало-то смотрел?»

Я его прекрасно понимал. Выглядел я совершенно непрезентабельно: футболка не первой свежести, выдавшие виды линялые джинсы, короткий ёжик русских волос, небритое усталое лицо. Выглядел я на десять лет старше своих двадцати трех. И «Форест-Банк», в кредитном отделе которого я находился, был не первым банком, который я посетил за этот месяц.

— Стапанов Веромир Сергеевич, — произнёс мужчина, просмотрев несколько листов из папки, лежавшей перед ним на девственно чистом столе. — Две тысячи сто восьмидесятого года рождения. Двадцать два года. Русский. Гражданство первой степени. На нынешний момент безработный... Хм... Разрешите представиться: номер триста восемьдесят три. Как вы поняли, я — работник кредитного отдела «Форест-Банка». Итак, вы подали заявление на кредит на сумму... — Он просмотрел ещё несколько листов. — Двести тысяч рублей. Молодой человек, это серьёзная сумма.

— Знаю, — кивнул я, стараясь быть немногословным. Все работники кредитных отделов в банках, в которых я побывал, ходили друг на друга как две капли воды, даже в том, что им запрещали представляться своими настоящими именами, и все они представлялись номерами. — Но я писал, на что мне нужен данный кредит...

— Да-да, операция вашей матери, Стапановой Евгении Петровны, две тысячи сто шестидесятого года рождения. Все справки есть. Ваше жела-

ние мне понятно, но настораживает предмет залога. У вас единственная квартира. Вы же знаете, что, согласно статье номер двести восемьдесят девять Уголовного Кодекса Российской империи, гражданин первой степени не может находиться на территории города Москвы, не имея постоянного места жительства. Если вы не выплатите кредит и квартира отойдёт банку...

— Выплачу, — заверил я его, стараясь вложить в свои слова как можно больше уверенности.

— Конечно... — скептически протянул служащий и вновь заглянул в документы. — Все так говорят. Хотя документы у вас вроде в порядке. А в чём причина, что вы выбрали именно наш банк? Я так понимаю, до этого вы были ещё в четырёх.

— Мне ваш больше всех понравился.

Не говорить же, что в остальных мне просто отказали!

— Что ж, мы рассмотрим ваше заявление и дадим вам ответ в течение четырех дней.

— Хорошо, спасибо. — Я поднялся из-за стола и, пожав руку работнику номер триста восемьдесят три, покинул кабинет.

Оказавшись на улице, я отправился в больницу, где лежала мама, благо до неё было минут двадцать пешком. В наше время мало кто ходит пешком, это совсем не модно. Автомобили и флайеры стоят недорого, поэтому на тротуаре, тянувшемся вдоль улицы Николая Второго, на которой располагался банк, народу практически не было.

К своему стыду, дожив до своих двадцати трёх лет, я, хоть и имел права как любой совершеннолетний гражданин Российской империи, но не приобрел ни флайера, ни даже обычного электромотоцикла. Считайте это моей причудой... Пока был жив отец, до семнадцати лет я учился в Старшей школе, и именно этот факт был самым непонятным для моих друзей (или тех, кого я считал таковыми), да и девушки тогда обычно, узнав, что у меня нет этого, как они считали, обязательного атрибута серьёзного мужчины, исчезали из моей жизни, несмотря на мой дворянский статус...

А уж когда нам пришлось сменить фамилию... Это произошло после убийства отца. Его фамилия была слишком известной и опасной: ещё бы, древний род Бельских! Но отец ввязался в войну с другим не менее древним кланом — Годуновых — и тем самым практически погубил свой род. Охотились за мной и за мамой, но она сумела перехитрить вражеских ищеек. И мы выжили благодаря тому, что мама взяла свою девичью фамилию и умудрилась переписать меня на неё как своего сына, обычного человека, а не как дворянина и наследника рода Бельских.

Так мы и жили. Пришлось переехать из Санкт-Петербурга в Москву, где удалось затеряться. Там через месяц нас застал приказ императора об официальном прекращении войны.

Мама выражала надежду на то, что Годуновы успокоились и не будут нарушать императорский указ, тем более что мы остались без земли и денег, — поместье сожгли, а последние средства

отец потратил на наёмников. На мой вопрос, почему мы не восстановим дворянство, она сказала, что у неё нет документов, так что никаких шансов на это нет. В принципе, я бы с этим поспорил, но решил этого не делать.

Мама перебивалась случайными заказами на шитьё, она была отличной швеёй, несмотря на свое происхождение, а ручной труд ценился даже в XXII веке. Я понимал, как тяжело работать девушке из знатного рода, с которой столько лет буквально сдували пылинки, но терпения и упрямства маме было не занимать.

В Старшей школе я освоил профессию программиста, потом поднял свой уровень на курсах... но, как оказалось, слишком велика конкуренция по этой специальности, поэтому на данный момент я перебивался случайными заработками на бирже фрилансеров, писал на заказ разнообразные прикладные программы и получал небольшое пособие по безработице. В принципе, на жизнь хватало, даже получалось немного откладывать. Я усиленно искал работу, но не везло. А полгода назад у мамы обнаружили рак. Да, несмотря на то, что на дворе был XXII век, рак до сих пор оставался серьёзной болезнью.

Нет, с ним, конечно, научились бороться, сведя смертность к вполне приемлемым, с точки зрения статистики, цифрам, но когда я узнал, сколько стоит операция, меня охватило отчаяние. Тем не менее я всё-таки решил попробовать взять кредит под залог квартиры. Последнее время на бирже мне перепало несколько приличных

заказов, оплата по ним должна была прийти после выполнения работы, авансы маленькие, и, тем не менее, я надеялся, что начинается светлая полоса. К тому же вариантов, кроме как взять кредит, не было. Оставалось только рискнуть.

Размышляя над всем этим, я добрался до тридцатиэтажного здания больницы номер восемь и, приложив пропуск к турникету, поднялся на лифте на пятнадцатый этаж, где сразу столкнулся со Светланой Сергеевной, врачом, курирующим мою маму.

— Веромир! — обрадовалась она, узнав меня. — Вы вовремя. — Она нахмурилась. — К сожалению, новости неутешительные. Евгении Петровне стало хуже. Она попросила позвать вас. Я уже собиралась вам звонить. Пойдёмте со мной.

С плохим предчувствием, охватившим меня, я вместе с врачом добрался до небольшой палаты, где лежала мама.

Ещё относительно недавно мама выглядела гораздо моложе своих лет. Сейчас же болезнь оставила на ней свои следы, превратив цветущую сорокатрехлетнюю женщину в старуху. Хотя в этом я себе никогда бы не признался.

Войдя, я осторожно опустился на табурет рядом с её кроватью и аккуратно взял за руку.

— Как ты? — спросил её. — Держись, пожалуйста, я уже договорился. Скоро тебе сделают операцию. Ты только держись!

— Сынок, — тихо произнесла она, — послушай меня, пожалуйста.

В её глазах я увидел слёзы, и мне вдруг стало страшно. Такой обречённости в её голосе я ещё не слышал, уже привык, что мама, воспитывая меня, казалось, никогда не унывала ни при каких обстоятельствах.

— Твой отец, Сергей Бельский...

— Мама, — остановил я её. — Мы же с тобой решили, что не будем говорить об этом...

— Решили, — согласилась она со мной. — Но сейчас настало время вернуть тебе твою фамилию и окончить Дворянскую академию. Ты должен возродить наш род! Я знаю, ты справишься, сынок. И ты должен отомстить тем, кто убил твоего отца. Не торопись... но сделай это! — Глаза её вдруг сверкнули, а голос стал стальным. — Поклонись мне!

— Клянусь. — Я сжал её руку. — Но как ты вернёшь фамилию? Ты говорила, что нет документов...

— Извини, сынок, я тебя обманула. Не хотела, чтобы ты это делал, а сейчас понимаю, что была глупой... В нашей квартире в верхнем ящике комода лежит серая коробка. Сейчас уже такие не выпускают. Она запечатана таким образом, что если неправильно набрать код, её содержимое превратится в пепел. Код — твоя настоящая дата рождения, ты её, надеюсь, не забыл.

— Не забыл, — успокоил я её. — Но почему ты говоришь мне об этом? Мы сделаем тебе операцию, ты сама мне их покажешь.

— Моё время пришло, сынок.

После этих слов у меня на глаза невольно навернулись слёзы, я попытался что-то возразить, но, натолкнувшись на взгляд мамы, передумал.

— Не спорь со мной. Я это знаю. Ты не веришь в наши родовые способности, это плохо. Поверь в них, и они откроются для тебя. Ты Бельский, пусть и последний из рода, но эта фамилия звучит гордо. Мы долго скрывались, и, поверь мне, я делала это ради тебя. Может, это и была ошибка, но я ни о чем не жалею. Мне удалось спасти самое драгоценное в жизни — моего сына! Теперь ты останешься единственным членом рода. Я верю в тебя и всегда верила.... Я люблю тебя, сынок...

Её рука сжалась, она вздрогнула и закрыла глаза.

— Эй, сестра! — вскочил я, чувствуя, как меня охватывает холодок страшного предчувствия. — Доктор!

В палату влетела Светлана Сергеевна, а за ней две медсестры. Меня грубо вытолкали из палаты, в которой сразу началась суета. На мой вопрос «что случилось?» никто не ответил. Я же обречённо опустился в кресло около двери, понимая, что это конец. А через десять минут в коридор вышла врач. Она сочувственно посмотрела на меня.

— Веромир, ваша мама умерла. Приношу вам наши соболезнования... Я понимаю ваше состояние, идите домой. Мы с вами свяжемся завтра, когда надо будет оформить все бумаги.

Я кивнул и, не отреагировав на предложение доктора вызвать такси, ушёл. Очнулся я, уже входя в нашу маленькую однокомнатную квартиру. Опустившись на диван, я откинулся на спинку и закрыл глаза. Мысли путались, но я усилием воли привёл их в порядок. Сдержав рвущиеся наружу слезы, постарался отодвинуть обрушившееся на меня горе на задний план. Слезами я маме не помогу. Её не воскресить, оставалось только решить, что теперь делать дальше.

Надо было выполнять данную клятву, хотя, честно говоря, делать это не особо хотелось. Но клятва есть клятва. Вариантов было два. Первый — постараться восстановить свой род. Но это было непросто. Род Бельских когда-то входил в десятку самых древних родов Российской империи. Да и сейчас по древности входит... Только что эта древность? Что она сейчас значит, кроме длинной родословной?

Я остался единственным отпрыском некогда славного рода, и теперь, если документы, о которых говорила мама, действительно подлинные, я могу вернуть себе свою фамилию. Но что она мне принесёт? Запись в книге дворянства Российской империи? Да, пожалуй, только это. Земель у меня нет. Что осталось? Герб да эта маленькая квартирка, вот и всё. Второй вариант — жить по-прежнему под фамилией своей матери, забыв о том, кто я.

Так я и не заметил, как заснул....

Утром позвонили из больницы, и я отправился заниматься оформлением бумаг. После